

В.В. Журавлёв*

V.V. Zhuravlev*

**«Символ спасения»:
репрезентация контрреволюционной
диктатуры в очерках С.А. Ауслендера
об А.В.Колчаке (II)****

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-20

УДК 94(57)«1917/1922»

Выходные данные для цитирования:

Журавлёв В.В. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (II) // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 212–231. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-20.pdf>

**“Symbol of Deliverance”:
Representation of Counterrevolutionary
Dictatorship in the Essays
of S.A. Auslander About A.V. Kolchak
(II)****

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-20

How to cite:

Zhuravlev V.V. “Symbol of Deliverance”: Representation of Counterrevolutionary Dictatorship in the Essays of S.A. Auslander About A.V. Kolchak (II) // Historical Courier, 2020, No. 3 (11), pp. 212–231. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-20.pdf>

Abstract. This publication introduces final seven essays of the prominent writer, special correspondent of the Omsk newspaper *Sibirskaya Rech* S.A. Auslander, “In the Train of the Supreme Governor”. Their contents are of great importance for understanding of the representation of power to the society in the period of Kolchak dictatorship; in particular, of ideological design of such an important event as the trip of the Supreme Governor and Supreme Commander A.V. Kolchak to the front in February 1919.

Keywords: Russian Civil War; counterrevolution; dictatorship; political practices; ideology; discourse; A.V. Kolchak; S.A. Auslander; Siberia; Russian East.

The article has been received by the editor on 15.06.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В научный оборот вводятся заключительные семь очерков крупного литератора, специального корреспондента омской газеты «Сибирская речь» С.А. Ауслендера «В поезде Верховного правителя». Их содержание имеет важное значение для понимания практики репрезентации власти обществу в период колчаковской диктатуры, в частности – идеологического оформления такого важного с данной точки зрения события, как поездки на фронт Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака в феврале 1919 г.

Ключевые слова: Гражданская война в России; контрреволюция; диктатура; политические практики; идеология; дискурс; А.В. Колчак; С.А. Ауслендер; Сибирь; восток России.

---

* Журавлёв Вадим Викторович, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук; Новосибирский государственный университет; Новосибирская православная духовная семинария, Новосибирск, Россия, e-mail: vvzh@mail.ru
Zhuravlev Vadim V., Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State University; Novosibirsk Orthodox Theological Seminary, Novosibirsk, Russia, e-mail: vvzh@mail.ru

** Предыдущая часть: Журавлёв В.В. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (I) // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 113–137. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-09.pdf>

Previous part: Zhuravlev V.V. “Symbol of Deliverance”: Representation of Counterrevolutionary Dictatorship in the Essays of S.A. Auslander About A.V. Kolchak (I) // Historical Courier, 2019, No 5 (7), pp. 113–137. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-09.pdf>

В научный оборот вводятся заключительные семь очерков «В поезде Верховного правителя», написанные С.А. Ауслендером, крупным литератором, специальным корреспондентом омской газеты «Сибирская речь» с 8 по 26 февраля 1919 г. сопровождавшим А.В. Колчака в поездке на фронт, и в частности в Пермь. Вводная статья и первые семь очерков были опубликованы в № 5 «Исторического курьера» за 2019 г.

Молебен по поводу приезда А.В. Колчака в Пермь. Пермский Спасо-Преображенский собор¹.

* * *

С.А. Ауслендер

В поезде Верховного правителя

VIII. На земских собраниях

Без всякой охраны, сопровождаемый небольшой свитой, на этот раз, по преимуществу, штатской, приезжал Верховный Правитель на торжественные объединенные заседания города и земств [1] с участием представителей других общественных учреждений и организаций.

Собственно, если эти заседания можно назвать торжественными, то, скорее, по внутренней торжественной значительности этих часов единения общества и носителя верховной власти.

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Ф-61. Оп. 61п. Д. 99. Цит. по: Хроника пребывания адмирала Колчака в Перми / подборка материала для публикации Е.П. Субботина // Архив города Перми [Электронный ресурс]. <http://www.permarchive.ru/index.php?page=hronika-prebyvaniya-admirala-kolchaka-v-permi> (дата обращения: 10.06.2020); 24 декабря 2018: 100-летие взятия Перми армией Колчака / Государственный архив Пермского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archive.perm.ru/about/news/100-years-ago-a-perm-was-captured-by-kolchak/> (дата обращения: 10.06.2020).

Во внешнем все было очень просто, по-будничному, по-деловому, просто. Ведь сюда собирались не для празднества, а для тяжелой, трудной работы, для выяснения всех обстоятельств и возможных путей этой работы – работы на спасение России.

Незатейливое тесноватое помещение земского собрания, крестьянские кафтаны или пиджаки на рубаху земских гласных.

Приветствуемый аплодисментами, раскланиваясь во все стороны, проходит по зале Верховный Правитель в своей неизменной походной простой форме, форме солдата.

В кабинете председателя ему представляют членов управы. Потом он выходит и занимает место за столом президиума; с двух сторон его – председатель земского собрания и председатель городской думы.

Открывается заседание, носящее строгий характер деловитости, без громких фраз и ораторских эффектов.

Представители самоуправлений, приветствуя Верховного Правителя и заявляя свою готовность всемерно помогать правительству в работе создания России, делали доклады о состоянии земского и городского хозяйства данного уезда.

С глубоким вниманием выслушал Верховный Правитель все эти длинные ряды цифр, таких печальных, почти безнадежных, делал для себя пометки, иногда прерывал доклад вопросом, показывающим, с какой пристальностью все им принималось.

После речей представителей общественности говорил Верховный Правитель.

Трудно передать на бумаге его речи, ту простоту, ясность, искренность, с которой он говорил эти твердые, до суховатости иногда четкие, фразы. Ничего расплывчатого, ничего неопределенного, недоговоренного.

Большей частью он произносил их сидя, голосом ровным, спокойным, решительным.

Получалось впечатление не ораторской искусственно построенной речи, а какой-то интимной, страшно сближающей беседы.

Содержание его речей и отчасти даже речи целиком передавались уже по телеграфу. Поэтому сейчас я остановлюсь только на некоторых пунктах его речей, вернее, даже на том впечатлении, которое производили они.

Самое первое, в чем не может быть никаких колебаний, никаких сомнений – это создание армии и борьба за освобождение России.

В этих словах не было красивого пафоса, но было так много действенности, окончательной неизбежной решимости.

Другого пути нет и не может быть.

Кто хочет спасения России, тот должен принять этот путь и во имя этой борьбы поступиться многим, может быть, всем.

Но еще страшнее большевизм внутренний, это разложение душ, атрофирование чувств государственной и гражданской дисциплины, привычка страшная к беззаконностям ради своей эгоистической выгоды.

Утверждение закономерности во всех областях жизни – одна из главных задач правительства.

Для крестьян, составляющих большинство на этих заседаниях, вопрос о разрешении земельного вопроса имеет, конечно, значение первенствующее.

Возврата к старым земельным отношениям быть не может – твердо заявляет Верховный Правитель.

Окончательное решение земельного вопроса настоящее правительство взять на себя не считает возможным. Этот сложнейший вопрос должен быть решен для всей России в целом, должен быть решен будущим национальным учредительным собранием.

В текущей работе правительство будет базироваться на принципе желательности мелкого землевладения за счет крупного.

Эти слова, не утопические, а такие простые и реальные, много рассеивали предубеждений.

Челябинское земское собрание постановило напечатать речь Верховного Правителя и распространить среди крестьян.

С благородной прямою рисовал Верховный Правитель тяжелую картину государственного хозяйства, высказывал те планы, которые правительство предполагает осуществить, звал общество к трудной, напряженной работе на помощь армии, на воссоздание России.

Для меня не ясно, в чем заключается причина, почему работа общества не приняла до сих пор достаточно реальных форм.

Правда, работают в отдельных городах местные комитеты земского и городского союзов [2], но работа их носит несколько эпизодический характер, не объединенная, не введенная в широкие русла.

Во время войны с Германией сумели же общественные организации создать исключительной мощности аппараты, развернув свою работу в самых разнообразных областях войны.

Почему в настоящее время, хотя бы в гораздо более скромных размерах (учитывая все трудности: финансовые, транспортные и пр.), представители общественности не могут организовать свою, столь необходимую работу по помощи армии?

Впрочем, это составит тему моей особой статьи.

Был момент в речах Верховного Правителя огромного напряжения и волнения.

Переходя к делам внешней политики, он заявлял, что правительство считает своим долгом всячески поддерживать те отношения с союзниками, которые сложились до европейской войны, и к изменению которых нет никаких оснований.

Совершенно спокойным, ровным голосом, с величественной сдержанностью говорил Верховный Правитель, что правительство считало ниже достоинства России даже отвечать на предложение послать делегатов на Принцезы острова [3].

Во всех городах, на всех собраниях это твердое заявление встречалось одинаково. Все, как один человек, вставали, и долго не смолкали дружные аплодисменты.

Этот порыв благодарности правительству, сумевшему вступить за достоинство России, этот порыв какого-то пробудившегося чувства национальной гордости, любви был искренен и единоклубен.

Еще только, быть может, начинают вспыхивать искорки этих чувств, которые должны разгореться и новым блеском озарить Россию, но все-таки уже вспыхивают, уже есть вопросы национальные, государственные, где не может быть различных мнений.

После речи Верховного Правителя в Челябинске вышел настоятель собора [4] и сказал несколько слов, проникнутых скорбью и пламенной верой в чудо воскресения России.

Он поднял образ и благословил вставшего на колени Верховного Правителя.

В низкой, грязноватой, совсем простой комнате земского собрания это благословение носило какое-то особо торжественное, умиленное значение.

Я был в глубине комнаты, в толпе гласных, и я видел, как многие украдкой, совсем не демонстративно вытирали глаза, вдруг заблестевшие.

Это были слезы скорби и радости. Скорбь за все страдания, которые каждому, ведь каждому, пришлось перенести. Радости, так как уже расцветала надежда на спасение, так как уже не было одиночества и незащитности. Власть совсем близкая, понятная, твердая стоит на страже. Она сумеет победить все преграды, перенести все трудности.

Сибирская речь. 1919. 18 (5) марта. № 58.

IX. Попытки оппозиции

После февральской революции в первые же дни, будто из театрального люка, вдруг появились на сцене новые деятели, запевшие новые песни.

Всяческие выборы почти повсеместно дали большинство социалистам.

Появилось много новых персонажей или старые, давно знакомые, Иваны Ивановичи вдруг сделались революционерами и последовательными социалистами.

В этом было много смешного и еще больше – трагического.

Но несомненно для меня, что было много искреннего опьянения и самообольщения во всех этих неожиданных превращениях. Куда же сейчас подевались все эти недавние герои съездов, партийных конференций, бесконечных митингов[?]

Конечно, многое за это время изменилось, жестокие уроки не для всех прошли даром.

Другие же притаились, втихомолку дожевывают еще свои партийные программы, ворчат, показывают кулак в кармане и не могут поверить, что прошло то славное время, когда ценой двух-трех звонких речей, не имея другого багажа, кроме нескольких партийных брошюр, можно было получить место городского головы, председателя земской управы или депутата в Учредительное собрание.

Впрочем, я сейчас никого не хочу упрекать. Мне было просто очень интересно, как проявят себя эти остатки разбитой рати при поездке Верховного Правителя.

К удивлению, почти никак не проявили, а там, где что-то пытались сделать, чем-то выявить свою оппозиционность, там из этого ничего не получилось, просто расплылось, расплылось, осталось совсем незаметным, или легкий комический штришок, не более.

В большинстве городов этих попыток не было вовсе. Не знаю, искренно или не совсем искренно, в Челябинске, например, те самые представители общественности, которые в ноябре делали некоторые попытки протестовать, сейчас без всяких оговорок приветствовали правительство и возглавляющего его Верховного Правителя в выражениях самых горячих.

Лучше думать всегда о людях хорошо.

Пусть некоторые в ноябре еще не совсем ясно понимавшие всю напряженную почти безысходную трудность положения, еще не избавившиеся от опасного, чуть не уморившего Россию совсем, угара – сейчас поняли, что нет иного пути для спасения России, как искренняя, честная, неуклонная поддержка правительства.

У власти нет других чувств, кроме сознания государственной пользы, если она карает, так не из чувства мести, а принуждаемая к суровости заботами о государственной безопасности.

Поэтому Верховному Правителю не приходило даже в голову спрашивать, кто из приветствовавших его как раньше относился к его власти.

Ему важно, что думают они и делают сейчас, какова может быть их роль в общей государственной работе.

Общее впечатление от всех общественных заседаний сложилось у меня, что, к счастью, этот чад партийных дряг выветривается, рождается новое, более реальное и деловое отношение к своей работе.

И на этой почве, на почве любви к России, напряженной работы за восстановление и освобождение, не было и не могло быть расхождений между властью и представителями общественности, так как программа правительства, так точно и искренно высказываемая Верховным Правителем, должна быть приемлема для всякого патриота, жаждущего прежде всего спасения России, для каждого демократа, демократизм которого – не хлесткая фраза, могущая дать аплодисменты и лишние голоса на выборах, а любовь к народу в его целом, любовь пламенная, разумная и творчески реальная.

Так оно и было. Расхождений не чувствовалось ни на одном из заседаний.

В одном только Екатеринбурге представители общества пожелали, кроме делового характера, придать своему заседанию характер политический с выступлениями представителей всех думских политических фракций.

Заседание в Екатеринбурге было наименее удачным, наиболее вялым и официальным.

Я с особым интересом ждал выступления ораторов от фракций с[оциалистов]-р[еволюционеров] и с[оциал]-д[емократов].

Выступил с[оциалист]-р[еволюционер], гладенький, чистенький, в белом галстуке. Говорил что-то неопределенное, трудноуловимое. Не то признают, не то не признают, не то приветствуют, не то протестуют.

Опять это бесполезное, трагическое «поскольку-постольку» [5], опять эта бледная расплывчатость, когда за фразами не чувствуется твердой ясности мысли и горячей подлинной любви.

Говорил представитель социал-демократов. Одет в форму человека, состоящего на государственной службе. Слова тоже тусклые, неопределенные. Чувствуется, что нет определенного решения, определенных, реальных планов, а так только, желание показать, что все-таки мы – оппозиция, все-таки мы еще повоюем. С кем? За что? Это неуловимо.

Критикует закон о городских выборах. Доказывает, что ценз оседлости направлен против интересов рабочих. Какая детская аргументация. Я не марксист, не специалист, но жил долго в районе больших фабрик, знаю быт рабочих. Знаю, что громадное большинство рабочих, рабочих хороших именно, живет оседло, из поколения в поколение на одном месте. Может быть, в отдельных отраслях это и не так. Но ведь смешно к задачам общегосударственным подходить с критикой отдельных проектов отдельного закона, да еще с предвзятой точки зрения интересов небольшой отдельной группы.

Не потому не сказали ничего определенного представители оппозиции, не потому не решились ничем продемонстрировать своего отношения к власти, что не хватило личной решимости.

В этом, пожалуй, им отказать нельзя. Но нечего было сказать, никакого отношения к власти реального у них нет.

Ведь и они уже понимают, что больше не спасут фразы, что за ними миллионы трудящихся и так далее, и так далее, ведь и они понимают, что даже самую возможность им заседать в городской думе и произносить речи дает не их собственная сила, а только сила реальная, твердая, которая в руках правительства.

Да, незавидное положение этого эсдека в казенном мундире, который хочет и оппозиционность свою все-таки доказать, верность не забытым еще трафаретам, и сам понимает, что ничего противопоставить реально существующего, действительно сильного он не может. Даже сочувствия и аплодисментов дешевых ему, пожалуй, не сорвать.

Так и расплылась эта попытка оппозиции в нечто мутное, нудное, бесталанное.

В Перми я в газетах прочел, что городская управа тоже хотела чем-то проявить свою некую оппозиционность.

По правде сказать, об этой попытке городской думы что-то оттенить я узнал только из газет, в речи и адресе, прочитанном представителем городской думы, даже не заметив этого духа непокорности [6].

Может быть, дума передумала и изменила первоначальные тексты своих заявлений, может быть, это так тонко и неуловимо, что не дошло до моего сознания.

Во всяком случае, эта попытка была только просто смехотворной.

Ведь прошло уже то время, когда так многие верили в магическую силу резолюций, и считали, что Россия спасена и социализм торжествует, если принята та или иная поправка, изменена запятая.

Особенно это было смешно в Перми, только что освобожденной той армией, вождя которой дума предполагала чем-то ущемить, признать, да как-то не совсем, приветствовать, да с какой-то оговоркой.

Поздно вечером, перед самым отъездом, в поезд Верховного Правителя приехал председатель земской управы с лицом радостно-взволнованным и возбужденным.

Он просил передать Верховному Правителю еще раз глубокую благодарность за посещение земского собрания и сообщил, что сейчас же после выступления Верховного Правителя состоялось собрание различных политических групп и партий, и именно под впечатлением речи Верховного Правителя им удалось окончательно сговориться (что раньше не выходило) и образовать политический блок [7].

Это волнение, эта радость показались подлинными и настоящими.

За все время поездки были только две слабые попытки оппозиции внести какое-то разъединение, посеять семена партийного раздора.

Обе попытки ни к чему не привели. Они расплылись в мутное, едва заметное пятно.

Повторяю, я думаю, это произошло совсем не потому, что у представителей оппозиции не хватало личного мужества.

Просто не было внутренней опоры; просто даже самые опьяненные партийные доктринеры начинают понимать, что дело сейчас не в резолюциях и речах, а в работе, напряженной и трудной.

Кто не сумеет работать над строительством государства, тот будет выкинут за борт суровой жизненной необходимостью.

Будущее за теми, кто сумеет соединиться в одном упорном, искреннем порыве.

Сибирская речь. 1919. 20 (9) марта. № 60.

Х. В освобожденной Перми

С необычайным волнением я ждал приезда в Пермь.

Ведь это уже освобожденная часть России [8], освобожденная русскими войсками.

Еще так недавно все это было недостижимо, здесь были враги, злые, беспощадные, а сейчас едем мимо сверкающих на солнце снежных домов, прекрасных лесистых гор – все это опять свободное, опять наше.

Молодой офицер, сражавшийся как раз на этом пути в Перми в ноябре и декабре, рассказывает, где были бои. Вот у этого разъезда была наша застава, потом штаб полка перешел вон в ту железнодорожную будку, с той горы красные обстреливали из артиллерии, по той тропинке наши сделали обход и забрали пушки, а вон в том лесочке, выйдя в разведку, чуть было не попался красным.

Я смотрю на его совсем юное, красивое решительное лицо, да, тогда бы не ехал сейчас с нами. Здесь, под сугробами, не найти было бы изуродованного зверски трупа.

Как все это странно. Как спокойно, почти радостно, он все это рассказывает.

А кругом все успокоено сейчас, никаких признаков недавних боев, разве иногда безобразные остатки обгоревшего вагона, или развороченная будка. Спокойна и прекрасна земля, русская, освобожденная уже земля, будто навсегда забыты все ужасы и страдания такие недавние. В Пермь приезжаем утром. Вот Кама, просторно раскинувшаяся. Вот строения Мотовилихинского завода, часть цехов занесена снегом, еще не ожила, не воскресла после долгих месяцев смерти, которую только одну умеют нести большевики.

Мне случилось в июне прошлого г[ода] быть в Перми, когда я делал первую неудачную попытку вырваться из страшного советского плена.

Самое страшное было – это дыхание смерти, это судорожное оцепенение. Город будто вымер, будто замерла Кама, без всяких почти пароходов и баржей.

По пустынным, мертвым улицам только зловеще иногда раздавались тяжелые шаги.

Проходил отряд красноармейцев, вооруженных с ног до головы, каких-то встревоженных, напряженных от неведомого страха, будто страшный призрак возмездия караулил каждого, за каждым углом, за каждым наглухо запертыми воротами.

Впрочем, не одна Пермь, то же я видел во всех городах – в Нижнем, в Казани, в Москве, над всей Россией этот дух смерти и уничтожения, судорожный трусливый страх, оцепенение голода, ненависти и ужаса.

Но вот Пермь уже вырвана из этих цепких лап, уже освобождена, и через несколько минут мы увидим ее, и в ней почувствуем прообраз других встреч – там, в городах, которые будут, несмотря ни на что, освобождены.

Мороз и солнце. Кажется, в самом воздухе, в звоне колоколов, во флагах, в пристальных, радостных взглядах есть что-то ликующе праздничное.

Длинным поездом на санях едем по сверкающему нестерпимо снегу.

В соборе, наполненном народом, епископ говорит приветственное слово, приветствует вождя армии-освободительницы, благословляет на новые трудные подвиги.

Ведь это не искусная риторика, ведь это не жуткая выдумка, что замучивали беззащитных, оскверняли храмы, попрали закон и право, пытали зверски, насильничали, издевались и убивали.

Ведь так недавно, вот в этом самом городе только шепотом, только оглядываясь, можно было говорить о том, во что измученные почти не верили – об освобождении.

А вот свершилось. Какими словами выразить все чувства?

После молебна смотр на базарной огромной площади. Всю площадь и несколько кварталов по улице заняли эти бесконечные стройные ряды.

Когда они проходили церемониальным маршем мимо Верховного Правителя, казалось, бесконечным будет этот неудержимый поток. Ряд за рядом, мерно колеблясь, проходили молодые полки генерала Пепеляева.

Неужели это не сон, не прекрасное видение – эти бесконечные движущиеся шеренги.

Нет, нет, не сон, не призраки, такой бодрой, решительной бодростью сияют лица, так звонко звенят победные трубы, так ярко светит солнце – все наполнено такой жизненностью, такой радостью жизни.

На улицах флаги, доморощенные транспаранты [9] с буквами [«]А.К.[»], с балконов, с тротуаров машут платками, кричат слова приветствия, благодарности, умиленной до слез радости.

Может быть, мудро решила судьба отдать на муки, на безнадежное отчаянье, для того чтобы потом вознаградить вот таким днем встречи, днем Воскресения, исполненной надежды.

Может быть, нужно было пройти все испытания, чтобы по-настоящему полюбить жизнь.

В высокой, светлой, нарядной зале благородного собрания собрались многочисленные делегации.

Срывается от слез голос дамы, читающей адрес от имени матерей, жен, сестер.

«Страдавшие вместе с арестованными и расстреливаемыми нашими отцами, мужьями и братьями, и сами подвергавшиеся той же участи, мы особенно остро чувствуем радость свободы, и потому глубока и искренна наша благодарность Вам – освободителю. И она выразится нашей неустанной работой в тылу на облегчение страданий героев-воинов в учреждениях Всероссийского земского союза и Красного креста».

«Радость свободы» – ведь не только слова, сочетание звуков, это то, что переполняет душу и тело, это то, без чего жить невозможно и что после долгих месяцев неволи мы, может быть, впервые, начинаем понимать.

Кружится голова от волнения и усталости. Слишком много впечатлений, мыслей чувств.

Земское собрание, потом объезд учебных заведений. Так хорошо волнуясь, с такой молодой бодростью приветствует Верховного Правителя гимназист. В женской гимназии две крошечные пригостишки подносят скромный букетик, что-то лепечут, делают книксены, косички с бантиками дрожат. А он такой сосредоточенно-печальный, наклоняется и целует их. Если дети уже тоже узнали скорбь, тревогу темную, нестерпимую, когда ночью вламывались, уводили отца, когда не было хлеба, и мать, плача о чем-то, молила этих страшных, щелкающих затворами, людей.

А сколько детей умерло, и в помутневших от страданий глазах непереносимый вопрос...

Вечером разыскал старинных знакомых, с которыми простился когда-то в Петербурге [10], еще в той невозможно далекой, может быть, не существовавшей жизни, когда все для меня было наполнено искусством и милыми радостями суетной грешной жизни.

Так странна и необычна эта встреча. Будто на выходцев с того света смотрим друг на друга. Так много каждый пережил, так изменились.

Вспоминаем прошлое, которого будто бы даже не существовало. Они рассказывают о своей жизни в Перми. Вспоминать страшно. Иногда ночью вдруг покажется, что еще то, дьявольское наваждение – советская власть, пот холодный выступит.

Не стоит передавать всех рассказов, так знакомы они стали, эти необычайные неправдоподобные рассказы, как профессора мешочничали, уходили верст на 50 по

деревням искать 10 фунтов муки и несли на себе, каждую минуту подвергаясь опасности быть расстрелянными; как хозяйка дома уехала в деревню за мукой и попала в бой, думала, не вернется живой; как арестовывали, пытали, расстреливали; как в первый день после бегства комиссаров не могли поверить, не могли осознать.

И теперь еще в разговоре вдруг почувствуешь, что наплывает эта безнадежная тяжесть пережитого, вдруг какое-то сомнение мелькнет – да, правда ли, эта «радость свободы», неужели не обманчивый сладостный сон.

Вышел на улицу, залитую электричеством, тихо, но как-то успокоено. Редкие прохожие идут медленно, без оглядки.

Хотя я только что слышал живые слова живых людей, хотя в памяти возникает мучительное, непереносимое отчаянье последних дней моей жизни в Москве, не могу, как следует, поверить, не могу почувствовать – неужели это не кошмарная больная выдумка, неужели Москва, Петербург, все там, за расстилающейся передо мной Камой, еще изнывают в позорном, ужасном плену.

Да, это так, но придут дни, ликующие дни побед, и они встретят своих освободителей с колокольным звоном, они засияют праздничными иллюминациями, умирающие, изнемогающие, они откликнутся на призыв к воскресению, они узнают, как узнала уже Пермь, эту прекрасную «радость свободы».

Сибирская речь. 1919. 22 (9) марта. № 62.

XI. Казачий круг

Солнце и мороз были неизменными нашими спутниками. Это придавало всей поездке отпечаток какой-то праздничной бодрости.

Но почему-то особенно запомнился мне этот морозный, бодрый воздух, эти сверкающие на солнце снежные поляны в Троицке.

На чистеньком вокзале были выстроены казацьи и французские части [11]. Генерал Дутов со своей атаманской булавой, круглолицый, круглоглазый, румяный, и все казаки, такие же круглолицые, круглоглазые, румяные – все это какой-то спокойной радостью наполнено, хотя ведь только что они пережили отступление от родного Оренбурга, хотя значительная часть казачьей земли захвачена небывало беспощадным врагом, выжигающим дотла привольные станицы, убивающим всех, без различия пола и возраста, не успевших отойти с войсками.

Но у них у всех, в глазах, голубеющих наивно, в улыбках простодушных (хотя за простодушием этим таится часто русская лукавая, упрямая «своя» мысль, которую никаким насилием, никакой хитростью не побороть), в этих уверенных, свободных и вместе с тем привычно дисциплинированных движениях чувствуется вера, что еще вернут свои вековые вольности, сломят врага, победят, конечно, победят, разве такие молодцы могут не победить.

А неудачи, испытания судьбы снесут бодро и мужественно, не поддаваясь отчаянью и унынию.

Как в большинстве русских городов – вокзал в нескольких верстах от города.

От морозного воздуха, слепящего солнца, быстрой езды дух захватывает, и какая-то совсем особая вольная радость от света, от солнца, от всего этого, такого русского.

Лошади торопятся. Кучера с трудом их сдерживают. Один из наших спутников так и не попал на казачий круг: понесла лошадь по свежему полю, сани опрокинулись в овраг, пришлось возвращаться в поезд.

Когда едем по мосту, отряд казаков и киргизских всадников в ярких, на белом снегу невыносимо ярких, алых чалмах, проскакал ловко прямо по льду.

Будто какая-то веселая лавина неслась с свободной удалью.

Улицы просторные, широкие, при въезде арка с приветственной надписью.

Во всем – что-то простодушно-милое, приветливое и бодрое.

Круг заседает в большом светлом зале, кажется, актовом зале гимназии.

При входе Верховного Правителя все встают и долго, с веселым одушевлением, кричат «ура», аплодируют.

Потом председатель просит Верховного Правителя занять председательское место, так как круг избрал его своим почетным председателем.

В этой высокой, пронизанной ликующим солнцем, зале звонко раздается голос председателя круга, читающего доклад круга Верховному Правителю.

Много пунктов в докладе: все о нуждах тяжелых, забываемых, но так бодро, молодо звенит голос. За словами о страданиях, о сожженных станицах, о лишениях и крови, пролитой в жестокой войне Оренбургским войском – за всем этим чувствуется несломленная вера, что пройдут черные дни, опять восстановится мирная вольная жизнь, еще более вольная, более прекрасная.

Как торжественная клятва, звучат последние слова председателя круга – обещание верно служить России и Верховному Правителю.

Отвечает Верховный Правитель, в выражениях четких и сильных характеризует казачество, как подлинную демократию, демократию воинствующую. Говорит, что, как солдат, повинувшись суровым законам войны, принял власть, считая, что этим признается неумолимая необходимость, прежде всего, силой военной освободить Россию. В первые же дни нашел и реальную поддержку в казачестве, так как путь борьбы без колебаний – это ведь общий путь. Будущее национальное учредительное собрание не забудет заслуг казачества в деле воссоздания России и несомненно подтвердит, укрепит все старинные казачьи вольности.

Много раз речь Верховного Правителя прерывается громкими аплодисментами (так же, конечно, заявление о Принцевых островах).

Чем-то глубоко-подлинным и прекрасно-древним веяло от этой величественной картины: Верховный Правитель в его суровой одежде солдата среди этих старинных демократов, у которых органически нет классов и сословий, где у генерала и солдата одинаково обветренное лицо и мозолистые трудовые руки, среди этих хлебопашцев, так хорошо умеющих устроить в своих станицах мирную жизнь вольного довольства и вместе с тем – воинов, сохранивших заветы военного искусства от далеких предков, с самого детства упорно готовящихся к ратному подвигу.

И были слова, которые говорили друг другу Верховный Правитель и казачий круг (в лице своего председателя) – прямые, ясные, твердые, такие житейски простые.

Круг говорил о великих нуждах Оренбургского войска, столько перенесшего за это время борьбы.

Верховный Правитель с предельной искренностью рассказывал о положении дел государственного строительства, о планах и надеждах правительства. Какое-то доверие и чистота отношений, казалось мне, укреплялись в эти минуты.

Под оглушительный гром аплодисментов и кликов «ура» покинул Верховный Правитель заседание круга.

Затем состоялся обед, который Войсковое правительство и круг давали в честь Верховного Правителя.

В большой зале тоже какого-то учебного заведения, украшенной портретом Верховного Правителя, было тесно, оживленно и совсем не официально.

Рядом со мной сидит член круга – станичник-крестьянин.

У него такие ясные синие глаза, такие большие, сильные руки, которые, наверно, очень ловко управляют и с плугом, и ружьем, и с саблей, но которым несколько затруднительно обращение с ножом и вилкой.

Мы перекидываемся иногда с ним словами. Он рассказывает о своей станице, сожженной большевиками, и на минуту темнеют гневно глаза, он рассказывает, не оправдывается, а совсем просто и подробно рассказывает, как они долго держались, а потом сил не стало, без снарядов и оружия.

Но так спокоен и тверд он, даже мысли не может быть у него, что не перенесут вех испытаний, не возвратят всего, отнятого врагом, не восстановят упорным трудом своих вольных станиц.

Я спрашиваю его о работах круга, о том, какие партии существуют в этом казачьем парламенте.

Говорит, что партий никаких в круге нет. Каждый говорит и решает свободно, по разуму и совести.

Не нужно ничего преувеличивать. Вероятно, совсем не все идеально и в казачьей земле. Наверно, за последнее страшное время многое расшаталось и ослабело.

Но когда в этот солнечный, морозный день я видел их, видел это заседание круга, свое начало берущего от древних, славных времен, мне казалось, что есть нечто своеобразно русское, подлинное во всем этом укладе, этих лицах простодушных с лукавой хитрецей, во всем этом крепком, крестьянском.

Может быть, какие-то черты свои, собственные черты для будущего строительства будут взяты отсюда.

Этот демократизм, не книжный, не придуманный где-нибудь в парижском кафе, без любви, без прочного знания, придуманный для красивой фразы, этот демократизм жизненный, трудовой, государственно-зрелый, может быть, проснется не в одном казачестве.

Это полное достоинства свободолюбие и вместе с тем торжественная благопристойность, с какой они встречали главу власти, служить которой по долгу совести и разума они твердо, без всяких двусмысленных оговорок обещали – все это тоже черты, быть может, в будущем нарисующие новый облик новой России.

А сейчас почему-то было так бодро и радостно в этот солнечный, яркий, морозный день, хотя я не знал, какие тяжести пришлось им перенести, хотя зловещие слухи еще больше обещали бед.

Но все перенесут, все в конце концов одолеют эти, с задорными вихрами, круглолицые, круглоглазые, румяные, простодушные с хитринкой, такие крепкие, приземистые станичники.

Сибирская речь. 1919. 26 (13) марта. № 65.

ХII. Печальные курьезы

Вся поездка Верховного Правителя прошла так гладко, без всяких недоразумений, что, казалось, будто это не в России, где все разрушено, расхлябано, о чем напуганное и злобное воображение обывателей рисует картины преувеличенные.

Все-таки для того, чтобы встретить главу правительства торжественно и благопристойно, с образцовым порядком, ведь и для этого необходимо иметь административный механизм, пусть не вполне исправно, но все-таки работающий.

Ведь иногда кажется, что хаос уже поглотил нас, что физически невозможно, чтобы поезд ходил по расписанию, чтобы улицы были чисто и красиво украшены и пр[очее], и пр[очее].

Но вот подтянулись, сделали усилие, и пусть хоть внешне, пока на время приезда Верховного Правителя, возникли чинность и правильность исправно действующего государственного аппарата.

Я считаю даже такое внешнее значение поездки весьма значительным. Значит, есть возможность победить хаос, значит, уже вырисовываются, пусть пока смутно, внешние формы благоустройства.

И на общем фоне удачности и чинности особенно ярко выступает несколько печальных досадных курьезов, весьма характерных, о которых я и хочу сказать в этом очерке.

В Петропавловске поезд Верховного Правителя проспали.

Пахнуло чем-то милым, старозаветным, юмором миргородских городничих.

Телеграмма о приезде пришла вечером и осталась нераспечатанной до утреннего пробуждения начальника.

Такой детски крепкий патриархальный сон, весь этот неторопливый быт уездной администрации, конечно, довольно умиротелен, но вряд ли вполне уместен в наше время, требующее каждую минуту напряженной бдительности.

Крепко спят в Петропавловске, вряд ли их заставит пробудиться этот прискорбный анекдот.

В Челябинске произошла конфузия иного рода.

Два дня пребывания Верховного Правителя в Челябинске прошли необычайно гладко, торжественно, был большой подъем при общении с обществом, о чем я уже писал в предыдущих очерках.

Казус произошел на другой день после отъезда Верховного Правителя.

На другой день после отъезда Верховного Правителя был арестован и выслан председатель городской думы [12], а затем и председатель земской управы.

Оба они как раз накануне приветствовали Верховного Правителя, принимали почетного гостя на земском собрании, от имени общества делали доклады.

Узнав из газет об этом, слабо выражаясь, нетактичным действием местной власти, Верховный Правитель приказал отменить это распоряжение.

Я совершенно не знаю, за какие преступления понесли кару председатели думы и земской управы. Но мне кажется, даже не разбирая этого вопроса о виновности или невиновности, нельзя не видеть насколько этот шаг был неумел и фальшив.

Очевидно, преступление было совершено до приезда Верховного Правителя. Тогда, каким же образом администрация могла допустить, чтобы преступники, опасные для государственного порядка, выступали перед Верховным Правителем в качестве выразителей общественного мнения.

Если же их преступление было не так велико, и они были терпимы в течение нескольких месяцев, не угрожая спокойствию Челябинска, почему же они стали опасными на другой день после отъезда Верховного Правителя.

Несомненно, не следует обращать особого внимания на злобность сплетников, которые с наслаждением будут раздувать это странное недоразумение, которые готовы всякое частное обобщать, по существу, не такую уж большую неприятность готовы противопоставить всей работе по спасению и возрождению России.

Но все же старанием мудрых челябинских властей, вольным или невольным, капелька горького яда отравила слегка те отношения искренней близости, которые своими твердыми и благородными выступлениями сумел создать Верховный Правитель.

Да, полумеры не годятся для нашего жестокого времени.

Нужно уметь проявлять твердость и непреклонность, но еще более требуются для администратора разумность, тактичность и широта государственной мысли.

В Екатеринбурге военный цензор вычеркнул в «Отечественных ведомостях» [13], газете глубоко патриотического и государственного направления – что бы вы думали – вычеркнул передовую статью с приветствием по поводу приезда Верховного Правителя.

Так в день приезда и вышла газета с белой плешью вместо передовой, вторая плешь была в отделе телеграмм, где было вычеркнуто сообщение Р.Т.А. [14] о пребывании Верховного Правителя в Челябинске.

Прапорщик, сидевший уже шесть месяцев на цензорском кресле, расценил, что действует на точном основании инструкции, на основании того пункта, где говорится, что запрещается писать о поездках начальствующих лиц и офицеров на фронт с оперативными целями, так как это составляет военную тайну.

Таким образом, приезд Верховного Правителя, встреченного многочисленными делегациями, посещавшего общественные заседания, произносившего политические программные речи, самое широкое распространение которых должно было выявить характер и задачи власти, – все это одним размахом цензорского пера этот мудрый прапорщик хотел сделать непроницаемой военной тайной.

И грустно, и смешно.

В заключение этой горестной копилки курьезов: в Нижнем Тагиле делегации рабочих было запрещено просить приема у Верховного Правителя.

Только случайно узнали в поезде о делегации, и Верховный Правитель пожелал принять рабочих.

Все эти факты, правда, совсем уже не такие многочисленные для 18 дней пути, да еще в наше время всеобщей путаницы и разложения, говорят о том, какие трудности приходится преодолевать власти, распутывая все эти клубки чепухи, непонимания общегосударственных задач, неумелости и нетактичности.

Конечно, все это мелочи сравнительно с общей задачей освобождения России, на которую единственно должны быть направлены все мысли; конечно, только люди узкого эгоистически-обывательского склада или преднамеренно недобросовестные могут строить критику всего строя на этих отдельных, прискорбных и нелепых курьезах административной бесталанности.

Идеального административного аппарата у нас не было никогда. После революции в этом смысле дело пошло еще хуже.

При большевиках административный развал достиг своего апогея. Такой бездарной и бесчестной администрации, какая была у большевиков, нельзя себе было даже представить в самые черные дни старого режима.

Создать твердо и правильно работающий административный аппарат – это, конечно, одна из первейших задач (хотя самая первая – это помочь армии победить и во имя этой священной победы все необходимо снести).

Эта задача очень трудная. Ведь механически не победить этой бестолковщины, недобросовестности, отсутствия талантливости. Все это надо воспитать упорно и твердо.

Поездка Верховного Правителя показала, что кое-что уже делается в этом направлении, кое-где уже намечаются просветы будущей государственности, а печальные курьезы, иногда омрачавшие это путешествие, вскрывали, так сказать, больные места. Их еще много, очень много и операции этих административных экспериментов будут иногда довольно мучительны, но мы должны перенести, как неизбежные последствия той страшной болезни, которая чуть было не свела нас в могилу. Выздоровление идет, но истощенный организм не может сразу стать сильным и здоровым. Необходимо получше усвоить эту простую мысль.

Сибирская речь. 1919. 27 (14) марта. № 66.

XIII. В кают-компани

Этот свой предпоследний очерк я хочу посвятить всем спутникам, за восемнадцать дней пути с которыми как-то сблизился, сроднился той особой близостью совместного путешествия, когда часто люди совсем разные, по всему чужие друг другу, привыкают так один к другому, будто всю жизнь прожили вместе, будто так навсегда соединились чем-то.

Я всегда волнуюсь, когда мне предстоит попасть в общество совсем чужих, новых людей.

А здесь среда мне чуждая, военная, притом штабная.

Признаюсь, эта мысль несколько мучила меня, когда я ехал в поезд.

Хотя много друзей, родных было у меня среди военных, хотя во время войны три года пришлось жить одной жизнью, но все-таки есть какая-то кастовая замкнутость, есть что-то, что отделяет по всем мыслям, словам, движениям военных и штатских. Иной быт, различные психологии, может быть, и понятные, но какие-то все же чужие.

Атмосфера же штаба, тоже хорошо мне знакомая по войне, всегда несколько точная, сдержанная, суховатая для нас, штатских, еще более трудна.

Все это бессознательно неприятно беспокоило меня.

Первые минуты знакомства, когда все приглядываются друг к другу, все слегка насторожены, эти первые минуты прошли как-то очень легко.

Дух приветливости и уютности с первых минут чувствовался.

В том вагоне, где находилось мое место, ехали, главным образом, штатские – представители различных ведомств. В первый же вечер мы перезнакомились, завели в

коридоре эти особые вагонные разговоры, часто такие неожиданные, совсем особые, которые только в вагоне, со спутниками, назначенными тебе судьбой, можно вести.

Одиночества и отчужденности, которых я несколько боялся, не пришлось испытать ни в малейшей степени.

На другой день в кают-компании, как назывался вагон-ресторан, мы нашли каждый свое место, и постепенно все лица, будто из тумана выплывая, становились знакомыми и привычными.

Через день-два уже вся жизнь поезда сложилась в какие-то твердые рамки определенных отношений, привычек, обычаев, появились уже свои особые летучие выражения, понятные только вошедшим в эту жизнь.

И до странности не чувствовалось никакой отчужденности среди военных и, тем более, того особого, всегда несколько напряженного воздуха штаба.

Была чинность, был отпечаток той особой военной вежливости, когда младший чином должен просить у старшего разрешения курить, не садиться за стол раньше других, всем, что, в сущности, совсем незатруднительно, делается привычно легким и лишь не позволяет распуститься, не следить за собой – это делает общество людей даже малознакомых приятным.

В кают-компании никогда не бывает пусто. Здесь бьется пульс живой беседы, нервной, напряженной, суетливой.

Ожидают делегации приемов, приходят гости, приглашенные к завтраку или обеду. За одним столиком организуется летучее совещание по вопросам, таким сложным, требующим немедленного разрешения. За другим – пишутся срочные телеграммы, или по карте отмечается оперативная сводка.

Перед обедом и завтраком все собираются аккуратно. Выходит, никогда никуда не опаздывающий по старой морской привычке, Верховный Правитель.

Но и за обедами и завтраками нет чопорности, а только некоторая естественная сдержанность; разговоры оживленные: ведь столько впечатлений, столько мыслей и чувств приносит каждый день поездки.

Простота и хорошая молодая веселость царствуют в кают-компании.

Смеяться могут только люди здоровые и сильные. Смех, то сдерживаемый, то более шумный звенит в кают-компании почти беспрерывно.

Да, ведь, правда, во всем поезде один седой человек (представитель штатского ведомства). Все остальные – от крайней розовой юности до сильной бодрой зрелости.

Вечером, после дня утомительных и блестящих смен самых разнообразных впечатлений, долго засиживаются в кают-компании за бесконечными стаканами чая.

Ведь у каждого было так много интересных наблюдений за сегодняшним днем, а затем незаметно открывалась завеса прошлого, начинались воспоминания, возникала некая душевная близость. Или вспыхивал разговор о том, о чем чуть ли не во всех городах и домах говорят те, у кого бьется живое сердце, – о России, о судьбах ее будущих, о возможных путях ее строительства.

И во всем этом, странно, я не чувствовал никакого отъединения, ничего чужого, враждебного, что прежде всегда чувствовал в военной среде, хотя бы среди людей самых милых и дружески настроенных.

Всех нас свалили в один котел, всем слишком много пришлось пережить одинаково для всех непереносимых, безнадежных мук.

Падают грани, разделявшие прежде людей. Да, люди, конечно, теперь уже новые.

Армия, по внешним формам возродившая прежнюю крепкую стройность, по духу уже новая; уже совсем иными стали все отношения.

И походный штаб Верховного Главнокомандующего уже не имеет тех черт, которые даже после революции в штабе «Главковерха» Керенского давали себя чувствовать известной пренебрежительной заносчивостью, скрытым взаимным недоброжелательством, карьеризмом и пр.

Мне многие из встречных общественных деятелей высказывали, с каким приятным удивлением они встречали эту новую обстановку, этот новый дух простоты, молодой, веселой бодрости, чинности без всякой чопорности, гостеприимной приветливости.

Этот тон кают-компания – дружественный, веселый, простой, какой-то мягкий и свободный, хотя и связанный неким внутренним ощущением подтянутости – все это делало нашу поездку не только волнительно интересной, но милой, уютной. Было жалко расставаться с поездом, разрывать нити близости, за эти 18 дней связавшие людей, быть может, совсем чуждых, далеких, а теперь соединенных какой-то общей жизнью, общими впечатлениями и мыслями.

Но помимо того, что это было субъективно приятно – это, конечно, не случайно, что новую власть окружают новые люди, что новый воздух почувствует всякий, входящий в поезд Верховного Правителя.

Без всякой дешевой слащавости фальшивого демократизма, без всяких опереточных жестов, которыми пытались создавать себе ореол иные минутные кумиры, здесь просто и твердо подготавливается новая жизнь для новой России, и совершенно естественно, без всякой напряженной вычурности, складываются новые формы, бодрые, здоровые (а потому веселые), молодые, новых отношений, новых взглядов, новых подходов.

Сибирская речь. 1919. 28 (16) марта. № 68.

XIV. Выводы

Оканчивая описание этой поездки, тех мыслей и чувств, которые были вызваны всем виденным, я не могу не сделать некоторых общих выводов, ясных и твердых, вытекающих из этой поездки с строгой логичностью.

Прежде всего – мы уже не бессильны. Армия наша – не отдельные кучки храбрецов, пытающихся сбросить ненавистное иго, победить безумный бред, охвативший вдохновенную Россию.

Армия уже – стройные дисциплинированные ряды, твердо стоящие на страже новой государственности.

Между властью и армией нет разногласий, нет различающихся стремлений, надежд, помыслов.

Единая связала нас мысль, неизменная мысль о спасении России, об освобождении от этого плена.

Это мысль простая, твердая, ясная, где не может быть никаких двусмысленных оговорок, никаких колебаний.

Минуты общения Верховного Правителя с армией там, на полях битв, были минутами величественными, торжественными, исключительное значение которых, быть может, не всем даже сейчас понятно.

Не было никаких речей, громких фраз, но их было и не нужно. Разве мало произносилось так звонко звенящих слов, и много ли они дали дел.

Самые верные клятвы, самые горячие молитвы – в молчании.

И эти обещания погибнуть или победить, не зная третьего пути, эти обещания были даны и властью, и армией.

И они будут исполнены.

Всем малодушным и мелкозловствующим ответили грозные и прекрасные трубы наступления.

Почти непосредственно после дней, проведенных Верховным Правителем на фронте, все наши армии перешли в победоносное наступление.

Этот единоклубный порыв, это вдохновенное геройство показали, какая общность веры соединяет армию и власть.

Разве возможно было бы творить эти изумительные подвиги, если бы в душах не было твердого, ясного доверия, что недаром их посылают на смерть, что нет иного пути к освобождению, чем тот, по которому велел идти вождь.

Этот важнейший, действенный, не требующий словесных доказательств вывод укрепляет прекрасную веру, что величие и сила новой власти, новой России уже достаточно крепки и что скоро, совсем уже скоро, воскреснет Россия после дней позора, бессилия, ужаса, в формах нового государственного строительства, твердых, свободных и прекрасных.

Второй, тоже несомненный, выявившийся реально, вывод, что программа власти с такой твердостью, ясностью, искренностью высказываемая Верховным Правителем при встречах с представителями общества, не встретило, да и не могло встретить каких-либо возражений.

Эта программа, глубоко жизненная, продиктованная горячей любовью и твердой мыслью, не может не быть программой всех, желающих возрождения России, создания новой совершенной государственности, всех, кто не затемняет своих принципиальных желаний узко эгоистическими и партийными доводами.

Власть дает возможность в эти суровые дни последней борьбы сплотиться всем истинным патриотам для единой цели, единой работы, тяжелой, требующей огромного напряжения, но прекрасной и священной.

Кто не услышит этого призыва власти, кто свое личное, маленькое поставит выше задач общенациональных, у того душа мертва, тот будет выкинут за борт, как ненужный вредный балласт в эти дни, когда на флагманском корабле подадут сигнал боевой тревоги, в эти дни, когда каждый должен встать на свое место и все силы тела и духа напрячь в одном стремлении – победить.

И, наконец, третье – может быть самое важное, дала эта поездка.

Для многих тысяч людей – солдат, членов земских собраний, станичников, офицеров, крестьян и людей всяких других званий и профессий, для всех, кто лично видел и слышал Верховного Правителя, стало многое совершенно несомненным, непоколебимым, благодаря тому совершенно особому впечатлению, какое производит тот, имя которого сейчас является живым, действенным символом нашего общего спасения и избавления.

Ясно помню мое первое впечатление, когда совсем мельком пришлось мне видеть его, говорить с ним.

Не легко нести власть, даже часто внешне.

Огромное большинство из тех, кого приходилось мне видеть, для того, чтобы облегчить это тяжелое бремя, надевают маски, принимают позы, говорят не своим голосом, чувствуют не своими чувствами, а какими-то чужими, придуманными заранее.

Потому так часто звонкие слова о любви говорят люди с душами маленькими и холодными, так часто позы внешнего благородства принимают люди мелкие, или наоборот злодейскую маску носит человек с душой мягкой в те минуты, когда он не носитель власти, а простой и скромный человек.

И в этих масках, искусственных позах чувствуется всегда неприятная фальшивость, которая не позволяет доверять до конца самым горячим словам, которая ставит какие-то искусственные преграды между вами и властью.

В первую же мою короткую встречу я прежде всего почувствовал, что на этом лице нет никакой маски, все слова – это не чужие или придуманные, а свои простые, человеческие, слова.

Я знал его жизнь, жизнь воина, наполненную подвигами и неустанной государственной работой, и я явственно видел его во все минуты его жизни; там, в Ледовитом океане, в спасающей научной экспедиции; на миноносце у Порт-Артура; в Севастополе – умеющим владеть буйными страстями уже отравленных, полубезумных от этого яда большевизма, матросов и рабочих.

Он, наверно, всегда был так же спокоен, тверд, так же пристален был внимательный взгляд.

И теперь, когда он выступал на общественных собраниях, когда он обходил по рядам войска, когда он выслушивал самые разнообразные делегации, эта простота, искренность человечности не могли не действовать, не передаваться.

Эти спокойные, твердо звучащие фразы – не речи, а, скорее, беседы, этот взгляд пристальный, внимательный, сосредоточенный, всегда немного печальный – все это делало его облик страшно близким, ясным, понятным, не вызывающим никаких сомнений и колебаний.

Эта напряженная внимательность, это желание понять, проникнуть в самую суть делового вопроса, докладываемого ему предмета, все равно, говорят ли ему о сложных вопросах международной политики, о финансовых и продовольственных затруднениях города или рабочие из Нижнего Тагила говорят о потерявшемся вагоне с хлебом и о нужде в керосине (если не дают, ребята воруют и еще больше выходит), эта внимательность ко всему – и большому, и малому, что касается великих нужд России и возможностей помочь, наладить, это тоже не могло не передаваться, не могло не укреплять доверие и уважение.

Многое, что еще могло вызывать сомнения, вздорные слухи и сплетни, стало ясным и окончательно твердым за эту поездку.

Власть, опирающаяся на реальную силу возродившейся и окрепшей уже армии, власть, связанная с армией неразрывными кровными узами взаимного полного доверия и понимания, власть, призывающая все государственно мыслящие элементы общества к объединению и работе, дающая возможность этого объединения на программе мирского, жизненного патриотического и демократического государственного строительства, эта власть крепко держит руль в одном направлении – на Россию. И эта власть имеет уже достаточное могущество осуществить свои цели.

Сибирская речь. 1919. 3 апреля (21 марта). № 72.

Комментарии

1. Таких объединенных заседаний земских и городских гласных за время данной поездки А.В. Колчака состоялось три: в Челябинске 10 февраля, в Перми 19 февраля и в Екатеринбурге 23 февраля 1919 г. См.: *Журавлёв В.В.* Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 года: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4. С. 24–35.

2. Речь идет о местных организациях Всероссийского земского союза и Всероссийского городского союза. Эти структуры были созданы в 1914 г., объединяли гласных и работников исполнительных органов соответственно земских самоуправлений различного уровня и городских самоуправлений и преследовали цель оказания помощи действующей армии. После свержения советской власти на востоке России летом 1918 г. и возобновления деятельности местных самоуправлений вновь начали функционировать комитеты земского и городского союзов, содействовавшие снабжению и санитарному обеспечению антибольшевистских вооруженных формирований. 2–11 сентября 1918 г. в Томске состоялся Всесибирский съезд городов и земств, на котором был образован Всесибирский союз земств и городов (Сибземгор) и избран его главный комитет. Однако ни Временное Сибирское, ни Временное Всероссийское, ни Российское правительство адмирала А.В. Колчака не желали утверждать устав данного объединения и легализовать состав его главного комитета, включавшего такие фигуры, как одного из лидеров сибирских эсеров Н.В. Ульянова и бывшего члена Западно-Сибирского комиссариата В.О. Сидорова. Именно в феврале 1919 г. МВД Российского правительства допустило возможность легализации Сибземгора при условии изменения состава главного комитета. В этом контексте высказывание Колчака о «не объединенной» работе местных организаций земского и городского союзов имели дополнительное звучание. См.: *Шиловский М.В.* Сибирский союз земств и городов (Сибземгор) // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. С. 86.

3. Речь идет о выдвинутой 22 января 1919 г. инициативе президента США В. Вильсона о созыве на Принцевых островах (курортной территории поблизости от Стамбула, оккупированной на тот момент войсками Антанты) международного совещания с участием представителей всех политических групп и государственных образований бывшей Российской империи и держав Антанты для выработки договора о дальнейшей судьбе России. См.: *Шмелев А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб., 2017. С. 15–84.

4. Христорождественский собор – главный храм Челябинска с 1748 по 1931 г., его настоятелем в 1919 г. был о. Петр (Холмогорцев). Эпизод с благословением А.В. Колчака послужил одним из оснований для ареста о. Петра 27 сентября 1919 г. после взятия Челябинска Красной армией.

5. Политическая формула условия поддержки Советами Временного правительства, высказанная меньшевиком Ю.М. Стекловым 14 марта 1917 г. («постолюк, посколюк оно [Временное правительство. – В. Ж.], в согласии с Советом, будет неуклонно идти в направлении к упрочению завоеваний

революции и борьбы с контрреволюционными силами»). См.: *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. М.; Берлин, 2017. С. 729.

6. В тексте приветствия от Пермской городской думы содержался следующий фрагмент, достаточно критический по отношению к действиям военных властей как в прифронтовой полосе, так и в тылу: «Город Пермь вместе с Правительством полагает, что путь строгой законности и правопорядка есть единственный путь, ведущий к полному осуществлению вышеуказанных задач, что те, кто прибегает к самоуправству и противозаконному насилию и давлению якобы в целях защиты государственности, в действительности колеблют и силу, и достоинство власти, ведут к продолжению анархии под тем или иным наименованием. Мы верим и надеемся, что власти на местах сумеют проникнуться провозглашенными Вами задачами и принципами и пропитать всю свою деятельность до последних деталей духом строгой законности и уважения к праву, без которых немислимо возрождение и воссоздание России». Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: сб. док-тов / сост. и науч. ред. В.В. Журавлёв. СПб., 2012. С. 184.

7. Речь идет о пермском отделении т.н. «Национального блока» (иногда, в т.ч. и в других городских центрах, использовалось наименование «Омский национальный блок») – проколчаковском объединении около полутора десятков политических и общественных организаций.

8. Характерное для того времени словоупотребление: под «Россией» понималась европейская часть страны.

9. Характерно, что в репортажах С.А. Ауслендера, публиковавшихся по горячим следам, по отношению к этим «транспарантам» употреблялся монархический термин «вензеля». См.: *Журавлёв В.В.* Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 года... С. 32.

10. С.А. Ауслендер, как коренной петербуржец и обладатель немецкоязычной фамилии, негативно относился к переименованию Санкт-Петербурга в Петроград и достаточно последовательно употреблял в своих текстах прежнее название города.

11. Французские части – речь идет о парадном расчете Французского колониального батальона в Сибири под командованием майора П. Малле (Pierre Mallet).

12. Ф.Т. Розенгауз, член ПСР, председатель Челябинской городской думы в 1918–1919 годах, так впоследствии (не ранее сентября 1925 года) описывал этот эпизод: «...в ноябре 1918 года совершился в Омске переворот. Наступила диктатура Колчака. Реакция, военщина, контрразведка засвирипевали вовсю. Несмотря на обстановку террора, городская дума под моим председательством заявила протест против диктатуры Колчака, вынесла резолюцию негодования против новой диктатуры с требованием отдачи под суд виновных. Эта резолюция вызвала возмущение в военных кругах Челябинска и для меня настали тяжелые дни. Не проходило дня, чтобы меня не таскали на допрос, то в штаб армии, то в следственную комиссию, то к начальнику гарнизона. Грозил арестом, всяческими страхами, но не арестовывали. Так и тянулись дни. В феврале 1919 г. приезжает в Челябинск сам Колчак. Город[ская] дума получила приказ от военного начальства участвовать во встрече Колчака на вокзале. Передо мною предстала неожиданно мучительная и тяжелая задача – участвовать в приветствиях диктатуры. И ввиду того, что замены мне не было (городского головы не было в городе, заместитель мой тоже был в отлучке) и после долгого и тяжкого раздумья увидел себя вынужденным участвовать в церемонии встречи. Отказ от участия в той обстановке был бы равносильным гибели моей и гибели моей семьи. Я в своем приветствии сказал несколько интеллигентских слов, совершенно не касающихся политики, выразил надежду на скорое окончание братоубийственной войны, на то, что русский народ пойдет по пути культуры и т.д. После отъезда Колчака я был немедленно арестован и под конвоем четырех хорошо вооруженных жандармов отправлен в Тобольск. <...> Пробыв несколько дней под арестом в сербской контрразведке, был отдан на все время гражданской войны под надзор полиции, а затем через некоторое время был снова арестован и под конвоем отправлен обратно в Челябинск». См.: *Калинкина Е.А.* Ф.Т. Розенгауз – врач и общественный деятель // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2000. № 1. С. 125–131. Впрочем, известно, что 3 января 1919 года Розенгауз подписал приветственную телеграмму Челябинской городской думы на имя Верховного Правителя следующего содержания: «Челябинская городская дума, неизменно преданная идее возрождения России, шлет вам, господин адмирал, как воплотителю этой идеи и как Верховному Правителю, новогодний привет и поздравление. Будучи уверена, что намеченная вами программа, а именно воссоздание сильной армии, водворение законного правопорядка в согласии с принципами истинного демократизма, есть единственный правильный путь к возрождению Родины при создавшемся тяжелом положении, городская дума шлет вам пожелание успеха в этом трудном и великом деле». См.: Приветственные послания Верховному Правителю... С. 124.

13. «Отечественные ведомости» – газета правоцентристского направления, «орган национальной и государственной мысли», издававшаяся А.С. Белорусовым-Белевским в Уфе (в октябре 1918 г.), а затем – в Екатеринбурге. Характеристику деятельности см.: Белевский (Белорусов) – Правлению Всероссийского национального центра. 10 марта 1919 года // *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1919 гг. [Б. м.]: Litres, 2020. С. 2207–2216.

14. Р.Т.А. – аббревиатура наименования Российского телеграфного агентства, официальной информационной структуры Российского правительства А.В. Колчака, унаследовавшей функции и, с определенными изменениями, аппарат Сибирского телеграфного агентства и Всероссийского телеграфного агентства. Подробнее см.: *Шевелев Д.Н.* «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и

штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск, 2017. С. 95–118; Шевелев Д.Н. Сибирское / Российское / Русское телеграфное агентство и его роль в информационном обеспечении антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2011. № 2. С. 112–119.

Литература

Журавлёв В.В. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (I) // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 113–137. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-09.pdf>

Журавлёв В.В. Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 года: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4(10). С. 24–35.

Калинкина Е.А. Ф.Т. Розенгауз – врач и общественный деятель // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2000. № 1. С. 125–131.

Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М.; Берлин, 2017. 821 с.

Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: сб. док-тов / сост. и науч. ред. В.В. Журавлёв. СПб., 2012. 560 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. [Б. м.]: Litres, 2020. 2316 с.

Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск, 2017. 268 с.

Шевелев Д.Н. Сибирское – Российское – Русское телеграфное агентство и его роль в информационном обеспечении антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2011. № 2(14). С. 112–119.

Шиловский М.В. Сибирский союз земств и городов (Сибземгор) // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 86.

Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб., 2017. 266 с.

References

Kalinkina, E.A. (2000). F.T. Rozengauz – vrach i obscestvennyy deyatel [Rosenhaus – doctor and public figure]. In *Vestnik Chelybinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 125–131.

Melgunov, S.P. (2017). *Martovskie dni 1917 goda* [March days of 1917]. Moscow; Berlin. 821 p.

Shevelev, D.N. (2011). Sibirskoe – Rossiyskoe – Russkoe telegrafnoe agentstvo i ego rol v informatsionnom obespechenii antibolshevistskikh pravitelstv Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny [Siberian – Russian – Russian Telegraph Agency and its role in the information support of the anti-Bolshevik governments of Siberia during the Civil War]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. History*. No. 2 (14), pp. 112–119.

Shevelyov, D.N. (2017). “*Rol pechatnogo slova v sovremennoy voyne ne menshe puli i shtyka...*”: *osvedomitelnaya rabota antibolshevistskikh pravitelstv vostoka Rossii* [“The role of the printed word in modern war is no less than a bullet and a bayonet”. Information work of anti-Bolshevik governments of East of Russia during the Civil War (late May 1918 to early January 1920)]. Tomsk. 268 p.

Shilovsky, M.V. (2009). Sibirskiy soyuz zemstv i gorodov (Sibzemgor) [Siberian Union of Zemstvos in and Cities (Stibzemgor)]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk. Vol. 3, p. 86.

Shmelev, A.V. (2017). *Vneshnyaya politika pravitelstva admirala Kolchaka (1918–1919 gg.)* [Foreign policy of the government of Admiral Kolchak (1918–1919)]. St.-Petersburg. 266 p.

Tsvetkov, V.Zh. (2020). *Beloe delo v Rossii: 1917–1919 gg.* [White action in Russia: 1917–1919]. [S. l.], Litres. 2316 p.

Zhuravlev, V.V. (2017). Poezdka A.V. Kolchaka na front 8–26 fevralya 1919 goda: ideologicheskii dizayn [Trip of A.V. Kolchak to the front, February 8–26, 1919: Ideological design]. In *Razvitie territoriy*. No. 4 (10), pp. 24–35.

Zhuravlev, V.V. (2019). “Simvol spaseniya”: reprezentatsiya kontrevolyutsionnoy diktatury v ocherkakh S.A. Auslendera ob A.V. Kolchake (I) [“Symbol of Deliverance”: Representation of Counterrevolutionary Dictatorship in the Essays of S.A. Auslander About A.V. Kolchak (I)] In *Istoricheskii Kurier*. No. 5 (7), pp. 113–137. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/istkurier-2019-5-09.pdf>

Zhuravlev, V.V. (Ed.). (2012). *Privetstvennye poslaniya Verkhovnomu Pravitelyu i Verkhovnomu Glavnokomanduyushchemu admiralu A.V. Kolchaku. Noyabr 1918 – noyabr 1919 g.* [Greetings to the Supreme Ruler and commander-in-chief Admiral Kolchak. November 1918 – November 1919.]. St.-Petersburg. 560 p.

Статья поступила в редакцию 15.06.2020 г.